

Ольвийская элита императорской эпохи (по эпиграфическим документам из собрания ОАМ: *HO 100 + IOSPE, I² 309; 221*)

В основополагающем труде по истории и государственному строю города Ольвии В.В. Латышев, опираясь на еще не слишком тогда обильные свидетельства эпиграфики, метко уловил основную сущность ольвийской конституции римского периода: “заметный аристократический налет, лежащий в это время на государственных учреждениях Ольвии и ведущий свое начало, быть может, со времени восстановления города после гетского погрома.¹ Основанием для разработки данного тезиса послужило следующее. Во-первых, постоянное указание в почетных актах на благородство происхождения чествуемых ольвиополитов, на воспитание, поведение и безукоризненное прохождение общественных служб сообразно с “достоинством рода”; а во-вторых, выбор магистратов хейротонией с правом многократного назначения на одну и ту же должность, равно как и замещения ее в течение нескольких лет кряду, что привело к концентрации исполнительной власти в руках немногих представителей аристократических семейств.² Недавняя публикация П.О. Карышковским исчерпывающей просопографии ольвийских должностных лиц первых двух веков после гетского разгрома³ лишний раз подтвердила основную идею В.В. Латышева: высшие посты в государстве сплошь и рядом занимали одни и те же члены тех же самых знатных фамилий.

Однако почетные декреты, как и серийные посвящения коллегий Аполлону Простату, Ахиллу Понтарху, Гермесу

¹ В.В. Латышев. *Исследования об истории и государственном строе города Ольвии* (СПб 1887) 214 сл. Это положение было воспринято большинством исследователей: E. von Stern. *Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes* // *Hermes* 50 (1915) 171; В.Ф. Гайдукевич. *Очерк истории // Античные города Северного Причерноморья* (М.-Л. 1955) 62 сл.; В.В. Рубан. *Магістратура агораномів в Ольвії* // *Археологія* 39 (1982) 39; Ю.Г. Виноградов. *Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э.* (М. 1989) 220.

² Латышев. *Указ. соч.*, 215 сл.

³ П.О. Карышковский. *Новые ольвийские посвящения первых веков нашей эры* // *ВДИ* 1993, №1, 86-95.

Агорею и т.д., очерчивают по преимуществу совокупный облик ольвийской проминенции, сообщая, разумеется, отдельные небезыңтересные подробности доблестного восхождения местных официалов по ступеням карьерной лестницы. Не менее любопытно было бы почерпнуть, однако, сведения как о частной жизни ольвийской элиты, так и о некоторых других аспектах ее деятельности на благо сограждан. И здесь неоценимую услугу могут оказать эпиграфические документы императорской эпохи, каковыми я и постараюсь воспользоваться, опираясь прежде всего на памятники богатого собрания Одесского Археологического музея.

Рис.1
Фрагменты ольвийской надписи

В 1924 г. при раскопках Б.В. Фармаковского в Ольвии были обнаружены два сходящихся по излому фрагмента плотного мраморовидного известняка серого цвета, обломанные со всех

сторон кроме левой(?), общими размерами: шир. 0,21, выс. 0,225, тол. 0,045 м. На тщательно обработанной поверхности сохранились начальные слова единственных трех строк греческой надписи, вырезанной по разливке аккуратными крупными буквами (выс. б. 0,025, расст. между строк 0,01м). В 1950 г. верхний ф-т был передан Одесским Археологическим музеем в археологический кабинет Исторического факультета ОГУ (нижний ф-т был, видимо, к тому времени уже утерян) и вскоре провизорно опубликован И.Д. Головко,⁴ который (с неверной ссылкой на отчет Э.Р. фон Штерна) ошибочно считал, что он был найден в 1913 г. в Тире. Первоиздатель читал и переводил текст надписи следующим образом: Ἀρετή.../μήτηρ(α αὐτήν...) = “Арета, дочь или жена такого-то, такую-то, свою [αὐτήν вм. ἐαυτῆς sic!] мать, поставила или почтила”. Им же приведена датировка надписи со ссылкой на мнение М.Ф. Болтенко – II в. н.э.

Без ссылки на editio princeps⁵ оба ф-та данного памятника по хранящемуся в фотоархиве ЛОИА снимку (у нас – Рис. 1) были повторно изданы в разделе “Надгробия” сборника “Надписи Ольвии” под № 100 с пометой: “Местонахождение неизвестно”.⁶ Издатель *НО* (И.Б. Брашинский) следующим образом воспризвел и комментировал документ, датированный им по палеографии I в. н.э.:

Ἀρετή - - - -
μήτηρ Ἀ - - -
Σκ - - - - -

“3. После каппы сохранились незначительные остатки косой черты следующей буквы, возможно, ипсилона. В таком случае последнее слово надписи могло быть этниконом (Σκῦθίη). Однако незначительная сохранность текста не позволяет делать обоснованного восстановления”.

Рецензируя *НО*, А.И. Болтунова⁷ заметила, что в конце стк.2 могла стоять не А, а Λ, подразумевая, таким образом,

⁴ И.Д. Головко. Епіграфічні пам'ятки з колекції Одеського державного університету // *Праці ОДУ* 149 (1959) вип. 7, 136 сл.

⁵ Рис.7, 5. 5. На это указал П.О. Карышковский. Рец. на *НО* // *ВДИ* 1969, №2, 116; рецензент также считал надпись надгробной.

⁶ Там же Карышковский отметил наличие одного из ф-тов в фондах *ОАМ*.

⁷ А.И. Болтунова. Рец. на *НО* // *СА* 1971, № 4, 287.

предложенную в *НО* 100 вокативную формулу $\mu\eta\tau\epsilon\rho$ (в *НО* ошибочно с острым ударением), что было совершенно справедливо исправлено другим рецензентом сборника⁸ на асс. $\mu\eta\tau\epsilon\rho\alpha$.

После вышеприведенных кратких публикаций и замечаний надпись выпала из поля зрения исследователей, хотя, как нам предстоит убедиться, бесспорно заслуживает большего пиетета. Весной 1989 г. при работе в лапидарии ОАМ⁹ по сбору материалов и подготовке к переизданию 1 тома Корпуса В.В. Латышева в северо-западной его части, мною был, во-первых, подвергнут аутопсии верхний фрагмент *НО* 100 (инв. № 84163), каковая показала, что, во-первых, со времен издания его И.Д. Головки он утратил небольшой отщепленный кусочек, так что от буквы *эта* в стк.1 осталась лишь левая вертикаль. Во-вторых, на фото, как и на оригинале, в стк.3 после букв *СК* различимы не "незначительные остатки косой черты" (как отмечено в *НО* на с.88), а пришедшаяся на скол верхняя горизонтальная гаста литеры типа: *гамма, эpsilon, дзета, кси, пи, сигма, тау*, из которых, сообразуясь с предшествующим буквосочетанием, можно принять в расчет только *эpsilon*, что в итоге дает *СКЕ*.

Более того, среди материалов тех же фондов мною был обнаружен еще один эпиграфический фрагмент (инв. 50469 [II-a 45]), без всякого сомнения составлявший с двумя вышеописанными (хотя и не в контакте) один памятник. Найденный в Ольвии еще в прошлом столетии, этот фрагмент был подарен Музею одесским собирателем древностей Курисом и без каких-либо комментариев опубликован Латышевым.¹⁰ Предложенную атрибуцию оправдывает не только абсолютно идентичный характер материала, но и совпадающие до миллиметра размеры букв и интерлиний. Обломанный со всех сторон фрагмент, сохранивший сверху остаток выкружки от перехода к полочке карниза, имеет размеры: шир. 0,16, выс. 0,20, макс. тол. 0,07 м. На обломке сохранились остатки также трех строк греческой надписи, выс. б. 0,025, расст. между строк 0,01 м. В стк.1 заметен

⁸ А.И. Доватур. Рец. на *НО* // *ВДИ* 1969, №2, 111.

⁹ Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность дирекции и сотрудникам Музея за любезное разрешение обработать и издать серию документов из его фондов, а также за коллегиальную дружескую помощь в их обработке.

¹⁰ *IOSPE* I¹ 161; I² 309.

вас. со слабыми намеком на возможную интерпункцию между P и T.

Композиционное сопоставление обоих *membra disiecta* неизбежно привело к следующим заключениям. Профилировка под полочку карниза в совокупности с реконструируемой шириной всего памятника (см. ниже) не позволяет относить его к категории надгробий, но заставляет видеть в нем остатки обломанного с тыльной стороны постамента статуи, типичного для императорской эпохи.¹¹ Посему во всем монументе следует без сомнения видеть базу вотивной статуи, которую Арета воздвигла своей матери по известному случаю (Рис. 1).

Возможность правильно установить причины и обстоятельства воздвижения статуи предоставляют, как ни странно, последние буквы стк.2 ф-та *IOSPE I² 309: YBAZ*. Отсутствие каких-либо вариантов восстановления всех четырех букв в одну из подходящих лексем греческого языка дает основание считать *ипсилон* окончанием ЛИ в *gen.-o]o*, а в следующих трех литерах заставляет видеть начало причастия *βαῖτάζουσαν*] с оправданным дальней ассимиляцией фонетическим переходом *σ>ζ*.¹² Глагол *βαστάζω*, известный уже Гомеру, в императорскую эпоху превратился в *terminus technicus* религиозной лексики, обозначающий: “вздымая, нести” некие культовые символы, предметы; обстоятельным изучением его мы обязаны Л. Роберу. Комментируя одно аттическое посвящение Исиде I в. до н.э.,¹³ он замечает: “Нам кажется, что этот глагол может прилагаться только к священным предметам, здесь – к изображению”.¹⁴ В качестве параллели он приводит один эпиграфический текст из Эфеса 123/24 г. н.э., в котором статую Адриана ставят οἱ τὸν [χρῶ]σεον κόσμον βαστάζοντες τῆς μεγάλης θεᾶς Ἄρτέμιδος, πρὸ πόλεως ἱερεῖς [καὶ] ἱερονεῖκαι – “носящие золотое убранство

¹¹ Этот тип баз берет свое начало с развитой эллинистической эпохи, органично вживаясь в римское время; ср. M. Jacob-Felsch. *Die Entwicklung griechischer Statuenbasen und die Aufstellung der Statuen* (Waldassen 1969) 90-103.

¹² Для ζμ, ζβ : σμ, σβ ср. L. Threatte. *The Grammar of Attic Inscriptions I* (Berlin – New York 1980) 547-549; *HO 27.11* (Ζμυρνάϊον); *Bull. ép.* 82 (1973) 75 – comm.

¹³ F. Sokolowski. *Lois sacrées des cités grecques* (Paris 1969) № 50B: Δημόφιλος... βαστάζων τὸν Ἥγεμόνα (i.e. Anubis).

¹⁴ *Bull. ép.* 167 (1966) 363. Ф. Соколовский (*op.cit.*, 95) для глаг. *βαστάζειν* ссылается на *PHamb.Staatsb.* (1954) ¹ 142,78. S.183.

великой богини Артемиды верховные¹⁵ жрецы и гиероники”.¹⁶ Там же он упоминает о коллегии βασταγείς – служителей сирийского культа на Делосе.¹⁷

Рассматриваемый культовый термин упомянут эдиктом Артаксеркса II Мнемона 150 г. н.э. из Сард в приложении к мистам Сабазия: τῶν τὰ ἔνπυρα βασταζόντων – “носивших курильницы”,¹⁸ где они выступают в одном ряду с мистериальными поклонниками Ангдисты и богини Ма. Прибывшие в Рим предстать перед судом Траяна послы религиозных общин Александрии и Иудеи, “каждый нес в процессии своих богов” (ἕκαστοι βαστάζοντες τοὺς ἰδίους θεούς), из которых соответствующий папирусный документ¹⁹ называет лишь египетского: τοῦ Σαράπιδος προτομή, ἣν ἐβάσταζον οἱ πρέσβεις – “бюст Сераписа, который несли в шествии послы”.

Как следует из всех вышеприведенных свидетельств, термин βαστάζω бытовал в своем техническом значении “высоко вздымая, нести в религиозной процессии” начиная с раннеримской эпохи и употреблялся почти исключительно в связи с культовыми церемониями в честь восточных божеств, что подтверждается и папирусными текстами, связанными с христианской религией, воспринимавшейся поначалу античным миром также как грядущая с востока.²⁰

Все вышесказанное приводит меня к кардинально иному восстановлению изучаемого ольвийского документа. Во-первых, поскольку причастие βαζ[τάζουσαν] непременно требует при себе наличия определенного сакрального объекта в асс., то в начальных буквах стк.3 гораздо резоннее предполагать не инициал этника Σκ[υθίη] (как в *HO*), а σκε[υήν] (“одеяние”) или

¹⁵ О термине πρὸ πόλεως см. J. et L. Robert. *Fouilles d'Amyzon en Carie I* (Paris 1983) 172-175.

¹⁶ *CIG* 2963c = *SEG* XXVII 739 = *IvEphesos* 276 = D.F. McCabe et al. *Ephesos Inscriptions* (Princeton 1991) № 1001. Чтение названия сакрального объекта было исправлено Милтнером, см. *Bull. ép.* 1977, 420, 438; ср. A. Wilhelm // *OJh.* 17 (1914) 39 = *Inschriftenkunde I*, 505.

¹⁷ *ID* 2628.

¹⁸ L. Robert // *CRAI* 1975, 324; *SEG* XXIX 1205.

¹⁹ См. L. Robert. Le serpent Glycon d'Abônoteichos à Athènes et Artémis d'Ephèse à Rome // *CRAI* 1981, 530 suiv.

²⁰ Л. Робер (*ibid.* 530, note 57) цитирует: *Pap.Mag.* VII, 265: ἐπὶ Χερουβὶν καθήμενον βαστάζοντα τὸν θρόνον τὸν ἴδιον; I,1112: Господь βασταζόμενος ὑπὸ β' ἀγγέλων ταῖς χερσὶν.

еще удачнее – σκεῖθη ἱερά] – “священную утварь”, т.е. то выражение, которое многократно засвидетельствовано в сакральных актах и у авторов.²¹ Во-вторых, статуя жрицы, носившей в религиозных церемониях священную утварь божества, должна была быть посвящена скорее всего тому же самому божеству, причем (а), вероятно, одного пола с ее служительницей и (б), по всей видимости, восточного происхождения. Отталкиваясь от этих посылок, я предлагаю дополнить в лакуне имя Матери богов, восстановив всю стк.3 следующим образом: σκεῖθη ἱερά Μητρί θεῶν (?) [ἀνέθηκεν ?].

Остается выяснить, кем же была эта матерелюбивая Арета. Оба издателя надписи в качестве параллели к имени Ἀρέτη сослались, естественно, на широко известную погребальную трапедзу, хранящуюся также в ОАМ, текст которой сообщает, что “Евресивий, сын Каллисфена, и Арета, дочь Папия, соорудили сей надгробный памятник себе при жизни за 17 дней”.²² Как известно, данная крышка жертвенного стола вместе с трапедзофорами была в 1899 г. грабительно извлечена из знаменитого склепа, спустя два года раскопанного Б.В. Фармаковским.²³ Из той же гробницы, видимо, происходит еще одна стела с аналогичным текстом без приписки “за 17 дней”, которую я вслед за Латышевым и Фармаковским вопреки фон Штерну склонен считать подлинной и относить к сооружению не заупокойного столика, а всего погребального комплекса.²⁴

Признать Арету, поставившую статую своей матери и соорудившую вместе с мужем склеп, одним и тем же лицом

²¹ См. к примеру: Sokolowski, *LSCG* 116.22/23: σκεῖθα ἐκ τῶ ἱερῶ μὴ Ἰχφέρεν τὰ ἱερά; 144 A.4: τὰ τῶ θιῶ σκεῖθα, A.8: σκεῖθα κεράμινα ἀκῶνατα; 177.107/108: ἀπόθεσιν τῶν σκευῶν; *Syll.*³ 997 = G. Pfohl. *Griechische Inschriften als Zeugnisse des privaten und öffentlichen Lebens* (München 1966 № 132, 2/3: σκεῖδος τῶν τῆς θεοῦ; *IG* I² 313, 20: σκεῖθε ἐν τῶ Ἐλευσίνιῳ; *Thuc.* II, 13, 4: ἱερά σκεῖθη.

²² *IOSPE* I² 221: Εὐρησίβιος Καλλισθένους καὶ Ἀρέτη Παπίου τὸ μνημεῖον ζῶντες ἑαυτοῖς κατεσκεύασαν ἐν ἡμέραις ἰζ’.

²³ Б.В. Фармаковский. Склеп Евресивия и Ареты в Ольвии // *ИАК* 1902, № 3, 1-20.

²⁴ Вторая надпись, хранящаяся в Ялтинском музее, недавно опубликована: Э.И. Соломоник. Об одной утерянной ольвийской надписи // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры* (Киев 1986) 36-41 = *SEG* XXXVI, 720 (Г.В. Плекет отмечает, однако, что приписка – it is the clause which is not at all normal in Greek epitaphs.)

заставляет, действительно, не только то, что это женское имя в просопографии Ольвии более не встречается,²⁵ но и практически полная идентичность шрифтов обоих документов: *HO* 100 разнится от *IOSPE* I² 221 лишь тем, что в первой *эпсилон* отрывает среднюю горизонталь, а *мю* выпрямляет вертикали. На этом основании можно предложить следующее восстановление текста посвящения Ареты, заполняющее лакуны сткк.1 и 3 с точностью до миллиметра (рис.2) и дающее для всей базы ширину около 0,85 м:

Ἄρετη [Παλίου θυγάτηρ τὴν ἑαυτῆς]
μητέρα [τὴν δεῖνα - - οὐ βαζιτάζουσαν]
σκεῦθη ἱερὰ Μητρὶ θεῶν (?) [ἀνέθηκεν?].

Рис.2
Реконструкция памятника Ареты

“Арета, дочь (Папия), статую (своей) матери (имярек, дочери такого-то), носящей в культовых процессиях (священную) утварь, (посвятила Матери богов?)”.

Восстановленная таким образом по трем фрагментам надпись подтверждает, что Арета действительно происходила из знатного и богатого рода, почему и получила от родителей *le pom raglant*, означавшее “добродетель”, которое, между прочим,

²⁵ Головкин (указ. соч., 137) ссылается на то же имя в якобы ольвийской надписи *IOSPE* I² 336, которая на деле происходит из Одессоса (*IGBR* I² 479).

носила и дочь сицилийского тирана Дионисия I.²⁶ Мать Ареты Ольвийской была жрицей, по всей видимости, Матери богов и участвовала в религиозных церемониях, гордо вздымая священные символы богини. Кибела почиталась ольвиополитами не только в самом городе,²⁷ но и на хоре, особенно в Гилее,²⁸ начиная с архаической поры и вплоть до римской эпохи; в послегетский период ее культ засвидетельствован, в частности, монументальной надписью под рельефом.²⁹

Судя по тому, что в восстановленный текст votивной надписи Ареты абсолютно однозначно не умещается имя ее мужа, она поставила довольно дорогостоящее статуарное изображение своей матери (скорее всего державшей в руках ту самую священную утварь) на свой счет еще до того момента, когда она сочеталась браком с Евресивием, сыном Каллисфена. Иными словами, она скорее всего получила богатое наследство от своего, по-видимому, скончавшегося к тому времени отца Папия и перешла тем самым в элитарное сословие матрон, игравших в общественно-финансовой жизни родного государства в императорское время влиятельную роль, что документировано многочисленными эпиграфическими источниками.³⁰

Совершенно очевидно, Арета выбрала себе в мужа далеко не безродного ольвиополита. Мне уже приходилось обращать внимание на популярность среди ольвийской проминенции позднеклассической, эллинистической и римской эпох имени Εὐρησίβιος, которым нарекали прежде всего отпрысков аристократических родов в честь достопочтенного соотечественника,

²⁶ Plut. *Dio* 6. Ее сестру также нарекли “говорящим” именем Σωφροσύνη – “благоразумие”. Ср. F. Bechtel. *Historische Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit* (Halle 1917) 612.

²⁷ См. А.С. Русяева. *Земледельческие культуры в Ольвии догетского времени* (Киев 1979) 101-114; она же. *Религия и культы античной Ольвии* (Киев 1992) 143-148.

²⁸ Ju.G. Vinogradov, A.S. Rusjaeva. Der “Brief des Priesters” aus Hylaia // *Gold der Steppe* (Schleswig 1991) 301 f.; I.B. Фабрициус // *Лимонск Музею* 8 (Херсон 1927) 9; В.П. Былкова // *ВДИ* 1993, № 2, 234 сл., рис.1.

²⁹ *IOSPE I² 170* = M.J. Vermaseren. *Corpus cultus Cybelae Attidisque VI* (Leiden 1992) № 516. Посвящение *IOSPE I² 192* = Vermaseren. *Op.cit.*, № 517 относится ко II в. до н.э., а не к римскому времени, как думал Латышев; ср. Т.Н. Книпович // *КСИА* 116 (1969) 22, прим. 6.

³⁰ Их подборку содержит сборник: H.W. Pleket. *Epigraphica II. Texts on Social History of the Greek World* (Leiden 1969).

свергнувшего в начале IV в. до н.э. тиранию.³¹ Итак, представители двух элитарных кланов создали одну из тех ольвийских семей, которые не только держали в императорскую эпоху в своих руках контрольный пакет акций в политической и государственных отраслях жизнедеятельности полиса, но и выделялись на фоне рядовых сограждан богатством состояний. Материально это богатство воплощает построенная Евресивием и Аретой при жизни в кратчайшие сроки фамильная усыпальница, отличающаяся монументальностью форм и роскошью архитектурного оформления.

Нам осталось лишь уточнить дату сооружения этого наиболее выдающегося памятника ольвийского погребального зодчества. Как уже упоминалось, склеп был незадолго до раскопок ограблен, так что Б.В. Фармаковскому – увы! – достались лишь жалкие обломки сосудов из египетского фаянса, стекла и керамики, а кроме того, отдельные бусины и кое-какие мелкие украшения,³² которые даже при условии их прецизного датирования не могли бы послужить хронологическими реперами постройки фамильной гробницы, эксплуатировавшейся явно не одно поколение. В качестве еще одного временного индикатора Фармаковский привлекает сам тип купольного полуцилиндрического свода, являвшего, по его представлениям, “римское изобретение времени около Рождества Хр.”³³ Однако обнаружение аналогичных погребальных структур в Вергине или героона в Кассопе заставляет теперь возводить появление подобной купольной архитектуры еще к середине IV в. до н.э.³⁴ Остается, таким образом, одна единственная находка, которая и послужила Фармаковскому по существу главным репером в определении даты сооружения концом II – началом III в. Это обнаруженная им под плитами пола протирона медная ольвийская монета, оброненная, по его мнению, во время постройки склепа, ни рисунок, ни фото которой, к сожалению, не приведены. А.К. Марков указал археологу на тип этой монеты по публикации Бларамберга и

³¹ Виноградов. *Указ. соч.*, 148.

³² Фармаковский. *Указ. соч.*, 11-15.

³³ Там же, 16 (со ссылкой на работу Шуази).

³⁴ Ср. W. Hoepfner, E.-L. Schwandner. *Haus und Stadt im klassischen Griechenland* (München 1986) 103-106. Сводчатая камера кассопского героона представляет собой чуть ли не абсолютный аналог склепа Евресивия и Ареты.

датировку ее бароном Кёне концом II в. н.э.³⁵ Едва ли, однако, она дает достаточно оснований для столь ответственного вывода, поскольку, во-первых, монета, по словам самого Фармаковского, очень плохо сохранилась и могла поэтому быть некорректно определена; во-вторых, ольвийская нумизматика со времен выхода в свет (в середине XIX в.!) каталога Кёне ушла далеко вперед, так что датировка этого типа должна быть пересмотрена в сторону удревления;³⁶ и наконец, монета могла просто завалиться под уже настланные плиты через щель в полу гораздо позже.

Фармаковский почему-то оставил вовсе без внимания главный и по сути единственный надежный хронологический критерий: дату той самой надписи, которая и сообщает нам о сооружении себе τὸ μνῆμα Евресивием и Аретой. Дело в том, что время Северов, к которому Фармаковский отнес строительство склепа, представляет собой четко отличающийся от других период в развитии ольвийской лапидарной палеографии, характеризующийся зачастую угловатостью *теты*, *омикрона* и *омеги*, перекрещенным *ипсилоном*, обилием лигатур.³⁷ Надписи же на трапедзе и стеле из склепа Евресивия, равно как и статуарный вотив Ареты обнаруживают гораздо больше сходства с эпиграфическими памятниками Ольвии I – самое позднее II в. н.э.,³⁸ что особенно заметно по форме *беты* с выступающим вперед, усеченным снизу нижним полукружием и *омеги*, имеющей целиком позднеэллинистическое начертание.³⁹ Надписи Евресивия и Ареты наиболее близки к таким безусловно лежащим в пределах I в. н.э. памятникам, как строительная

³⁵ Фармаковский. Указ. соч., 11.

³⁶ Эту монетную серию с эмблемами “голова Аполлона – орел на дельфине”, судя по имени одного из монетариев Тита Флавия Сопы(тра?) и по ряду просопографических сопоставлений, начали чеканить еще в эпоху Флавиев (69-96 гг.), и лишь чуть позднее во второй четверти II в. (но, видимо, не позже вступления на трон Антонина Пия в 138 г.) она получает надчеканки в виде кадуцея и буквы *дельты*, как на экземпляре из склепа. Подробнее об этом см. П.О. Карышковский. *Монеты Ольвии* (Киев 1988) 110, рис.10,7; 122 сл.

³⁷ Ср. Т.Н. Книпович. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии // *НЭ* 1966, VI, 10-15. Табл. X, 4.5.

³⁸ Там же. Табл. X, 1.2.

³⁹ Там же. Табл. IX, 5.

надпись Анаксимена Посидеева,⁴⁰ декрет в честь Ба...⁴¹ или посвящение *IOSPE* I² 181 скончавшемуся Августу и Тиберию стои, сооруженной, кстати, Абабом, сыном Каллисфена: не могли он приходиться родным братом нашему Евресивию Каллисфену? В любом случае у меня не возникает никаких сомнений в том, что жизнь и деятельность супружеской пары Евресивия и Ареты – одной из самых ярких представителей элитарной верхушки ольвийского общества послегетской поры – приходится на время никак не позднее I в. н.э.

Ю.Г. Виноградов
Институт всеобщей истории РАН, Москва

“Eine bemerkenswerte aristokratische Prägung der Staatseinrichtungen Olbias” zur Römerzeit wurde schon von Vasilij Latyshev in seinem bahnbrechenden Werk 1887 scharfsinnig erkannt. Die Überprüfung sowie Zusammensetzung einiger epigraphischer Fragmente lassen doch einen Blick auch ins Privatleben der Elite des kaiserzeitlichen Olbias werfen.

Die vom Verfasser unternommene Autopsie der im Archäologischen Museum Odessas aufbewahrten Steine *IOlb.* 100 und *IOSPE* I²309 ließ zuerst feststellen, daß sie demselben Denkmal gehören sollen, und zwar der profilierten Blockbasis einer Statue, und dann eine neue Ergänzung des gesamten Textes vorschlagen:

Ἀρέτη [Παλίου θυγάτηρ τῆν ἑαυτῆς]
μητέρα [τῆν δεῖνα - - οἷο βασιτάζουσαν]
σκεῖθη ἱερὰ Μητρὶ θεῶν (?) [ἀνέθηκεν].

Der in dieser Weihinschrift erkannte und ehemals von L. Robert grundsätzlich ausgewertete Begriff besaß eine ganz bestimmte Bedeutung: “aufhebend tragen” irgendwelche sakrale Symbole oder Gegenstände bei den Kultkundgebungen vor allem zu Ehren der Gottheiten orientalischen Ursprungs.

⁴⁰ *IOSPE* I² 183; об уточнении даты см. П.О. Карышковский. Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н.э. // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры* (Киев 1986) 31.

⁴¹ *IOSPE* I² 48+; см. Ю.Д. Виноградов. О методике обработки греческих эпиграфических памятников // *Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР* (М. 1978) 60-63. Рис.4.

Der Name der Stifterin wurde von uns außerdem einmal in zwei olbischen gleichzeitigen Grabinschriften *IOSPE I²221* und *SEG XXXVI 720* getroffen, die aus dem wohlbekannten von B.V. Farmakovskij 1901 freigelegten Rundgewölbegrab von Heuresibios und Arete stammen, was folglich in den beiden Frauennamen dieselbe Person erkennen läßt. Das zweifelsfreie Fehlen in der Weihinschrift des Namens von Aretes Gatten bringt uns zu dem Schluß, das sie das aufwendige Standbildnis ihrer Mutter noch vor der Eheschließung mit dem olbischen Aristokraten Heuresibios, Kallisthenes' Sohn darbrachte, als sie ein reiches Vaterseigentum ererbte und somit in den elitären Matronenrang eintrat, der im öffentlich-finanziellen Leben der Heimatstadt eine einflußreiche Rolle spielte.

Die unternommene paläographische Analyse aller dreier epigraphischer Urkunden samt der erneuten Auswertung der architektonischen Genesis des Rundgewölbegrabes sowie der korrigierenden Zeitsetzung der einzigen im Kuppelgrab gefundenen Münze läßt das Baudatum dieses hervorragenden Denkmals der olbischen Architektur von der Severerzeit aufs 1.Jh. n. Chr. rücken, d.h. wesentlich näher zum Zeitpunkt der Wiederherstellung der Stadt nach der Getenplünderung.